

ВЕРНОСТЬ ПУТИ.
К НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ З. Г. МИНЦ

ВЛАДИМИР ТОПОРОВ

В солнечный августовский день 1964-го года в Эльва в “семиотический” автобус, направлявшийся из Тарту в Кяэрику, вошла, как бы внося с собой солнечную материю, очень красивая женщина, лицо которой — и это было видно с первого взгляда — излучало доброжелательность, какую-то особую внутреннюю энергию расположенности и потребности в общении. Такой была моя первая встреча с Зарой Григорьевной. Четверть века спустя, ранней весной и тоже в солнечный день я увидел Зару Григорьевну в последний раз — случайно, в Москве, прямо около моего дома. Я успел заметить, что ей было трудно идти по тротуару, напомиравшему оледеневшую морскую рябь. Встреча, думаю, была радостной для нас обоих. Лицо Зары Григорьевны просияло, и четверти века как не бывало. Неожиданность встречи определила ее особенно открытый, искренний, радостно-возбужденный характер, освободив нас обоих от обычных условностей: перебивая друг друга, почти в один голос, мы спешили поделиться новостями, сказать что-то приятное, наверстать упущенное, и, как знать, может быть, все это уже окрашивалось предчувствием, что эта встреча — последняя.

Для меня встречи с Зарой Григорьевной и Юрием Михайловичем, в последние годы нечастые, всегда были желанными и всегда, по необходимости, кончались раньше, чем того хотелось. Эта личная доминанта в моих отношениях дает, кажется, мне право начать с того, что было, по моему убеждению, главным в Заре Григорьевне — удивительная целостность и законченность того человеческого типа,

который в таком уникальном выражении был ею воплощен. Именно это определяло ее суть, и это же объясняет то, что составляет главное в ее даровании самом по себе и в том, как она распорядилась им в своем научном творчестве.

Научный путь З. Г. Минц был четок, ясен и целен. Она создала импульсы, отправившие ее в этот путь, его смысл и цель, и проходила его на редкость внимательно и последовательно, ничего не упуская и собирая богатые плоды. И путь этот был восходящим: каждый пройденный этап делал путника более зрелым, дальноразумным, проницательным. В центре всего для З. Г. была художественная литература, уже — русский символизм, глубже и жизненно-напряженнее — Блок, первая и главная любовь З. Г., которой она осталась верной до конца и которой принесла столь щедрые залогов. Как-то не принято говорить об этом (то ли потому, что это разумеется само собой, хотя подобная презумпция далеко не всегда соответствует действительности; то ли потому, что это не считается необходимым), но З. Г. питала к литературе подлинную любовь, усвоила ее как важнейший жизненный ресурс, и литература отвечала ей взаимностью. И еще одно — З. Г. могла увлекаться, даже ошибаться, но она была честным литературоведом: для литературы, которая нередко так умело провоцирует исследовательское Я к самообнаружению, З. Г. всегда была готова забыть себя.

У З. Г. был редкий талант к центрированным и равновесным построениям, к гармоническому сочетанию разного и многого и соподчинению его общему и единому. Верность своим истокам совершенно естественно сочеталась у З. Г. с открытостью новым идеям. Ее равно занимала и эмпирия литературы и ее теоретическое осмысление. Она с прибытком для обеих сторон умела соотносить чисто литературоведческие результаты с данными других наук. В исследованиях З. Г. отчетливо обнаруживается тяготение к построениям проясняющего типа, которые часто решают не только данную конкретную задачу, но и бросают лучи света вовне, выявляя до того неизвестный или не вполне ясный контекст исследуемого явления.

Если бы понадобилось изобразить научный путь З. Г. в централизованной проекции, можно было бы прибегнуть к конструкции, состоящей из двух концентрических кругов. Внутренний круг — Блок (читателю нынешнего поколения нужно напомнить, что само обращение к блоковской тематике сорок лет назад было далеко не тривиальным явлением: оно требовало, помимо всего другого, и смелости и, пожалуй, даже готовности “претерпеть за правду”, поскольку в случае З. Г. неизбежно предстояло идти гораздо дальше, чем это было принято в отношении Блока в те годы). Для изучения Блока З. Г. успела сделать поразительно много, и именно ее исследования, как и работы ее учителя Д. Е. Максимова, которому З. Г. была так предана, образуют лучшую часть блоковедения последних десятилетий и определяют его современный уровень. Работы о Блоке синтетического характера и анализы отдельных стихотворений, циклов, сборников; поэтика и ряд ключевых проблем творчества; связи Блока с символистами (Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Сологуб, Брюсов, Мережковский, Гиппиус, Минский) или их предтечами (Вл. Соловьев) и с классической русской литературой (Гоголь, Достоевский, Толстой); комментарии и публикации текстов, в частности, многочисленных и вводящих много ценного в воспоминания о Блоке, и т. п. — вот лишь сжатый перечень сделанного З. Г. Внешний круг — символизм и символисты. Работы этого цикла (“Символ у Блока”, “Об эволюции русского символизма”, “Русский символизм и революция 1905–1907 годов”, “Блок и русский символизм”, «Несколько дополнительных замечаний к проблеме “Символ в культуре”», “К проблеме символизма символистов (Сологуб)”, “Символика зеркала у Вяч. Иванова” и другие) характеризуются двумя “движениями” — в ш и р ь , вовне, с захватом новых проблем, тем, фактов, — и в г л у б ь (осмысление сути символа как высшего класса знаков и символизма как принципа творчества — художественно-литературного, мифопоэтического, религиозного, философского), — образующими некое возрастающее, но с каждым шагом обращающееся к своей сердцевине построение. Работы этого круга противостоят попыткам

оторвать “хорошего” Блока (а теперь и других символистов) от “плохого” символизма и восполняют упущения нашего литературоведения за долгие годы. В связи с темой “восполнения” особо нужно отметить обращение З. Г. к творчеству великого мистического поэта Вл. Соловьева, на изучение которого было наложено табу. То, что “поэтическое” у Вл. Соловьева при этом не только не отделялось от “религиозно-философского”, но в значительной степени и объяснялось из него, несомненно, способствовало “реабилитации” поэта, а потом и философа и религиозного мыслителя.

Эти два круга — Блок и символизм и символисты — сами по себе образуют емкую, сложную, глубоко дифференцированную и преизбыточествующую смыслами структуру. Но это двучленное концентрическое построение как бы помещается З. Г. в более обширное силовое поле, с которым оно соединяется двунаправленными линиями связей, благодаря которым оба пространства взаимно объясняют друг друга. То, что лежит вовне и что так плодотворно и ненавязчиво объясняет в работах З. Г. главные темы, образует целую совокупность научных дисциплин и соответствующих проблем. Помимо того, что имеет прямое отношение к литературе (поэтика, структура текста, история литературы, типология литературных форм и категорий и т. п.), нужно обозначить и другие предметно-проблемные области и методологические принципы, которые в значительной степени определяют вклад З. Г. в изучение литературы и в обращении к которым у нас она была бойцом первого ряда.

Одной из первых среди литературоведов З. Г. усвоила и творчески применила принципы структурализма к анализу художественных текстов. Идея бинаризма и вытекающая из нее система семантических оппозиций оказались эффективным инструментом уяснения многих особенностей символистских текстов и удобным способом экспликации их глубинных структур (ср. ряд работ о поэзии Блока и статью о двух моделях времени в лирике Вл. Соловьева). Более продвинутым вариантом “литературоведческого” бинаризма оказалась работа о симметрии-асимметрии в композиции

“Третьей симфонии” Андрея Белого, где отмечается факт интереснейшего предвосхищения автором идеи противопоставления функций двух полушарий головного мозга и отражение этого факта в самой структуре исследуемого текста. В статье о структуре предложения и типологии художественных текстов автор, по сути дела, выдвигает глоссемантическую идею изоморфизма предложения и текста (для литературоведения и сейчас эту идею следует считать новаторской) и делает из этого изоморфизма ряд поучительных заключений. Целым, которое обнимает эти отдельные проблемы, впервые возникшие в лоне лингвистического структурализма, является то, что называют сейчас “моделью мира” или “общей картиной мира”, понятие, плодотворно использовавшееся З. Г. и отсылающее уже к сфере семиотики, достижения которой постоянно учитывались и развивались автором.

Конечно, обращение к новым идеям и соблазн “легкого” приложения их к “своему” материалу в известной степени выдвигают на первый план новые трудности и новые вопросы. Во всяком случае, исследовательская неопитская эйфория в этой ситуации должна измеряться и контролироваться своего рода эмпирическим “трезвением”. И З. Г. была достаточно проницательна, чтобы сознавать это, и достаточно разностороння и широка в своих взглядах, чтобы уметь контролировать нахлынувшие новые идеи и методы. Два вида этого контроля следует назвать сразу же — применение статистических методов к поэтическому материалу (составление частотных словарей лирики Блока) в сопровождении трезвого теоретического осмысления возможностей и пределов этих методов и то внимание, которое, в отличие от многих литературоведов, уделяла З. Г. языку и языковой проблематике художественной литературы (наряду с упоминавшейся статьей о структуре предложения, соответственно, художественного текста, можно назвать еще работы об антонимах в поэтическом тексте, о некоторых особенностях языка детского словесного искусства и ряд кратких, но существенных фрагментов в других исследованиях).

Стержневой проблемой многих работ З. Г. была семантика и — более специально — те преобразования, которым общеязыковая семантика подвергается в поэтическом тексте (ср., в частности, статьи о семантике словесного образа, об одном способе образования новых значений, о смысловом пространстве “Балаганчика” и т. п.). Освоение семиотической проблематики поэтического текста отсылало, естественно, и к более специальным сферам (ср. понятие “кода” в теоретико-информационном аспекте в связи с типологией кодов культуры), и к традиционным областям — мифологии, обращение к которой позволило З. Г. и Д. Е. Максимову поставить всерьез проблему “мифологизма” текстов русского символизма (ср. статьи З. Г. о “неомифологических” текстах русского символизма, о “мифах пути” и др.), эстетике (статьи о генезисе эстетических категорий, о понятии текста в свете символической эстетики и др.), культурологии и философии (типология культурных кодов, понятие символа, мировоззренческая проблематика в связи с Блоком), реконструкции (см. статью “О глубинных элементах художественного замысла. К дешифровке одного непонятого места из воспоминаний о Блоке”; впрочем, проблемы дешифровки и реконструкции постоянно возникают и в других ее работах при анализе поэтических текстов).

Вся эта совокупность тем, проблем, идей и составляет то научное наследие, которое так щедро оставлено нам З. Г. По избранному ею пути З. Г. прошла очень далеко, но не до конца. Такие работы последних лет, как «“Петербургский текст” и русский символизм» или «Футуризм и “неоромантизм” (К проблеме генезиса и структуры “Истории бедного рыцаря” Е. Гуро)» и др., свидетельствуют об освоении новых пространств и намекают на те творческие планы, которые были у З. Г.

Могла ли З. Г. сделать больше? Конечно. Но не забудем, что преданность науке и влюбленность в то, чем она занималась, не освобождали ее от других дел — от тяжелейшей работы по изданию многочисленных сборников, в которых она сама нередко не участвовала, от инициативы в создании, формировании тем и круга авторов, отношений,

далеко не всегда простых, с издательством и т. п., вплоть до работы считчика и корректора. Много радостей доставила З. Г. наука, но немало жертв было ею науке принесено. Оценивать научное наследие З. Г. количественно — слишком малая и слабая мера для сделанного ею. А чтобы оценить его уровень и важность достигнутых результатов, Зарой Григорьевной сделано более чем достаточно. И при этом в жертву науке приносились силы, здоровье, время, но не семья, не студенты, не коллеги, не друзья, не бесконечное желание делать добро и само это доброе делание.